

Интонация контраста, или минимальные пары фразовой просодии // В пространстве языка и культуры. Звук, знак, смысл. Сборник статей в честь 70-летия В.А. Виноградова. В.З Демьянков, В.Я. Порхомовский (Ред.) М., ЯСК. 2010. 136-148.

Т.Е. Янко

ИНТОНАЦИЯ КОНТРАСТА, ИЛИ МИНИМАЛЬНЫЕ ПАРЫ ФРАЗОВОЙ ПРОСОДИИ¹

В данной работе на примере категории контраста мы надеемся продемонстрировать действие метода минимальных пар, первоначально разработанного на материале сегментной фонетики (ср. *вол-вёл*) и словесной акцентуации (*пàрить-пàрить*), в применении к анализу плана выражения фразовой просодии. Понятие минимальной пары, стихийно возникшее в пятидесятые годы прошлого столетия и широко применяемое в работах по фонетике, было научно освоено и определено в работе В.А. Виноградова (1995), см. также цитированную там литературу. Стимулом для уточнения понятия минимальной пары и развития метода в работе В.А. Виноградова послужили данные африканских языков баквири (группа банту) и сосо (группа манде) с тональными словесными акцентами. Метод минимальных пар первоначально применялся к анализу единиц словаря. Впоследствии Е.А. Брызгунова, сопоставляя минимальные пары предложений с единой сегментной и лексико-синтаксической, но различной интонационной структурой, эффектно продемонстрировала разнообразие иллокутивных сил, формирующих высказывания. Каждая из семи выделенных интонационных конструкций накладывалась на единый несущий сегментный материал, что давало каждый раз новую иллокуцию, отличную от других. Фактически на примере предложения *Какая у них квартира* Е.А. Брызгунова проанализировала минимальную семерку, демонстрирующую полную минимальность рассмотренных интонационных средств и соответствующих им иллокутивных значений (Русская грамматика 1882: 98). При полной минимальности минимум выражения регулярно маркирует свой минимум содержания. Полная минимальность говорит здесь о системности интонационных средств выражения иллокутивной семантики: каждая интонационная конструкция применима практически к любой стандартной схеме предложения и с неизменным иллокутивным эффектом. У единиц словаря подобная минимальность отсутствует (Виноградов 1995: 28).

¹ Работа над темой финансируется Российским Государственным Гуманитарным фондом, проект N08-04-00165а.

Ниже будет рассмотрено одно из коммуникативных значений – контраст, который не формирует предложений как отдельных речевых актов определенного типа с определенным коммуникативным заданием, а модифицирует компоненты речевых актов, которых в предложении, как правило, более одного, например, в сообщении это тема и рема. Контраст компонуется с коммуникативными значениями, формирующими компоненты большинства основных типов речевых актов. Это значения темы, ремы и значения, формирующие компоненты вопроса и императива. Таким образом, контраст в предложении фигурирует не автономно, а присоединяется к компонентам речевых актов с образованием контрастных тем, контрастных рем, контрастных компонентов вопросов и императивов (Янко 2001: 49-53). Так, в предложении *Ведь это Вася* контрастная рема *Вася*, в предложении *Его первая книга нравилась мне больше других* контрастная тема *первая*, а в вопросе *Какое оборудование завод Продмаш производит серийно?* контрастный несобственно вопросительный компонент вопроса *серийно*, потому что говорящий задает здесь вопрос не о том оборудовании, которое завод Продмаш производит в режиме опытного образца, а только о том оборудовании, которое завод Продмаш производит серийно. Контраст применим к коммуникативным составляющим любого объема – от фонемы до предложения: *не немецкий, а немецкий; не ветер ветку клонит, а мое сердечко стонет*. О контрасте на части слова см. Quirk, Greenbaum, Leech, Svartvik 1982: 354; о контрасте на приставке см. Кронгауз 1998: 38-39. Контраст имеет регулярное интонационное воплощение, о котором будет сказано ниже.

С точки зрения значения контраст это сложная семантическая категория, которая имеет полевую природу, т.е. у нее есть свой центр, или семантическая доминанта, и своего рода периферия. Толкование ядра можно предварительно представить как ‘Р, а не Q, как можно было бы подумать’. Ср. *Это Вася, (а не Петя)*, где контрастный компонент предложения – назовем его фокусом контраста – соответствует словоформе *Вася*. Одно из периферийных подзначений (не единственное периферийное) энантиосемично доминанте. Его можно представить как ‘Р так же, как и Q’. Ср. *Я сам так думаю*, где фокус контраста – это словоформа *сам*. Здесь контекст слова *сам*, предполагающий рассмотрение говорящего не автономно, а на фоне других, например, в сопоставлении со слушающим, говорит, однако, о том, что говорящий присоединяется к точке зрения слушающего, высказанной последним ранее. Напомним, что при ядерном значении говорящий, наоборот, возражает. Очевидно, что второе подзначение возникает в специальных контекстах, например, в контексте слова *сам*. Между тем это – «положительное» – подзначение, как и первое – «отрицательное» – также представляет собой инстанцию контраста. Ниже мы покажем, что у контраста есть и другие подзначения.

Основной критерий для признания разнообразия подзначений контраста единым смыслом состоит в общности средств выражения, т.к. план выражения подсказывает, какие значения язык различает, а какие рассматривает как одно значение, тем более что у, казалось бы, противоположных значений есть существенная общая часть в толковании: это рассмотрение текущей возможности, соответствующей фокусу контраста, на фоне других, подобных ей.

Интонация – это основное средство выражения контраста, но не единственное. Известны и так называемые слова контраста, семантика которых конструирует ограниченное множество возможностей, известных говорящему и слушающему, на фоне которых рассматривается текущая возможность, и из которых производится выбор, а все остальные возможности отбрасываются: *только Вася*²; *именно Вася*.

В подразделе 1 ниже мы рассмотрим интонационный признак, системно выражающий контраст в русском языке, а предположительно – и в языке вообще. Подраздел 2 посвящен семантике, и прежде всего – полисемии контраста.

1. План выражения

Интонация контраста характеризуется особыми тональными характеристиками по сравнению с не-контрастными реализациями плюс выбор словоформы-носителя контрастного акцента в более чем однословных контрастных компонентах предложения. В подразделе 1.1 ниже мы рассмотрим принципы изменения частоты основного тона при контрасте, а в подразделе 1.2 – принципы выбора акцентоносителя фокуса контраста.

1.1. Интонация контраста

Тональные и магнитудные (относящиеся к показателям интенсивности) характеристики интонации контраста можно представить как функцию преобразования этих характеристик по сравнению с соответствующими не-контрастными артикуляциями. Интонация контраста характеризуется: 1) увеличением диапазона частот и 2) повышением интенсивности артикуляции по сравнению с соответствующими не-контрастными произнесениями. Нетривиальным фактом здесь служит лишь то, что контрастные

² В некоторых работах эти слова называются фокализаторами или рематизаторами, т.е. словами ремы (см., например, Partee 1994: 364 и цитированную там литературу). Между тем нетрудно показать, что эти слова фигурируют и в рамках темы с образованием контрастных тем: *Только после победы на выборах левые смогли провести этот закон в жизнь*. В последнем примере именная группа *только после победы на выборах*, включающая *только*, представляет собой тему. Можно заключить, что взгляд на слова типа *только* как на слова ремы, а не как на слова контраста в известной степени устарела.

артикуляции не представляют собой однотипного изменения частоты основного тона, а повторяют вектор движения – нисходящий, восходящий или нисходяще-восходящий, который характеризует соответствующий не-контрастный коммуникативный компонент. Так, контраст в композиции с ремой дает повышение начальной точки падения частоты основного тона и понижение конечной. Таким образом, если простая рема характеризуется понижением частоты основного тона, то при контрастной реме начальная точка изменения располагается существенно выше, чем в отсутствие контраста, а конечная – несколько ниже, т.е. увеличивается диапазон частот. Так, если в предложении *Пошел дождь* на акцентоносителе ремы словоформе *дождь* фиксируется ровный низкий или слабонисходящий тон, то при контрасте *Пошел дождь* (в значении ‘а не снег, как могло бы показаться слушающему’) диапазон падения расширяется за счет возвышения начальной точки движения. Кроме того, начальной точке падения, как правило, предшествует компенсаторный «заход вверх», необходимый для «набора высоты». Компенсаторный подъем может происходить в пределах ударного слога словоформы-акцентоносителя, в результате чего соответствующий акцент совершается в условиях т.н. позднего тайминга, потому что падение, составляющее фонологическую сущность данного акцента, запаздывает. Помимо расширения диапазона при контрасте повышается и интенсивность звука: говорящий добавляет «нажима» в голосе.

Соответственно, при теме, для которой характерно, наоборот, повышение частоты основного тона на ударном слоге акцентоносителя, конечная точка набора высоты располагается существенно выше, чем при неконтрастных реализациях. Так, если в предложении *Его дочь родилась за границей* акцентоноситель темы словоформа *дочь* выделяется подъемом тона, то в предложении *Его дочь родилась за границей, а сын – на родине* акцентоноситель темы первого предложения словоформа *дочь* сопровождается подъемом тона в расширенном диапазоне частот плюс повышение интенсивности звука.

И наконец, если обратиться к нисходяще-восходящему акценту (ИК-4 по Брызгуновой) в режиме незавершенного текста, где нисходяще-восходящий акцент на акцентоносителе незавершенности маркирует т.н. «рассказ по порядку», когда говорящий выстраивает все шаги своего повествования в упорядоченную цепочку, то оказывается, что в условиях контраста диапазон восходяще-нисходящего движения тона также расширяется. Обратимся к примерам.

Известно, что стратегия «рассказа по порядку» характерна для речи лекторов, преподавателей, официальных лиц, которым свойственно выстраивать шаги повествования в соответствии с временной последовательностью или в связи с их внутренней логикой (Русская грамматика Т.1, 1982: 115; Логинова 2002: 324). Между тем

нетрудно показать, что эта стратегия весьма часто встречается и в неофициальной речи «на кухне» при изложении планов на будущее, прошлых событий, которые состоят из ограниченного числа сюжетных ходов, выстроенных говорящим в цепочку, сообщении кулинарных рецептов и технологий изготовления тех или иных артефактов. Обратимся к рассказу врача³ о результатах переливания крови больному: *Больной, который был постельный, он не улыбался, а после того, как он закончил **процедуру**, он вернулся в **палату**, сбросил решительным жестом тапочки со своих ног, и босиком на полу отбил чечетку*. Здесь нисходяще-восходящим тоном отмечены словоформы *процедуру* и *палату*. Этот акцент говорит о том, что цепь событий разбита говорящим на последовательные шаги: процедура, возвращение преобразованного больного в палату, избавление от обуви, которая мешает танцевать, исполнение чечетки. Акцентоносители предложений *процедуру* и *палату* несут нисходяще-восходящий акцент незавершенности в режиме рассказа по порядку, акцентоноситель фрагмента, соответствующего предпоследнему шагу, словоформа *ног* несет простой – немаркированный – показатель незавершенности, потому что повествование заканчивается (заметим, что здесь рассказчик крайне последователен в использовании возможностей указания на типы незавершенности), и наконец, акцентоноситель конечного фрагмента словоформа *чечетку* несет нисходящий тон терминального шага повествования. Это типичный пример «рассказа по порядку», когда говорящий с помощью интонации указывает не только на то, что текущий шаг его повествования не последний, но также и на то, что шаг, следующий за текущим, тоже не последний: он заранее знает, какие это шаги и в какой последовательности они должны располагаться. Таким образом, наши наблюдения показывают, что «рассказ по порядку», действительно характерный для речи официальных лиц и преподавателей, весьма часто встречается и в бытовой речи. Официальная речь лишь усвоила стратегию подачи событий как выстроенных в цепочку. Говорящий говорит или делает вид, что говорит «по порядку».

Обратимся теперь к одному из типов незавершенности в контексте контраста. Рассмотрим пример из телешоу: ведущий и другие участники передачи обсуждают проблемы решения семейных коллизий. В примере – *Ленино желание – оно вообще реально? Исполнимо? – Вы знаете, я считаю, что **исполнимо**, просто нужно, наверное...* второе вхождение словоформы *исполнимо* отмечено опять же нисходяще-восходящим акцентом типа ИК-4. Акцент на *исполнимо*, во-первых, говорит здесь о том, что

³ Два примера, иллюстрирующие интонацию незавершенности, взяты из записей реальных говорящих и для них произведены замеры перепада частот и интенсивности с помощью компьютерной системы анализа устной речи Speech Analyzer. Эти данные для экономии места мы здесь не приводим. Читатель может найти их в Янко 2008: 204-213. На объективных данных приборов основывается анализ и лабораторных примеров, приводимых выше.

говорящий согласен с предположением слушающего: *исполнимо* здесь значит 'да, действительно исполнимо'. Говорящий производит выбор из двух возможностей 'да' и 'нет', т.е. перед нами типичный случай контраста. Кроме того, с помощью интонации говорящий указывает также и на то, что продолжение его речи следует. Таким образом, это предложение служит примером незавершенности в контексте контраста: говорящий выражает модальный смысл 'да' плюс указание на готовность продолжить речь. Диапазон частот нисходяще-восходящего акцента в данном и в других аналогичных случаях в среднем существенно шире нисходяще-восходящего акцента в «рассказах по порядку» и в других не-контрастных реализациях, т.е. интонационная кривая на графике частот, имеющая форму «вниз-вверх», при контрасте выглядит более рельефно, чем без него.

Итак, контраст системно преобразует артикуляцию акцентоносителя по сравнению с соответствующими неконтрастными подъемами и падениями частоты основного тона. Можно заключить, что значение контраста маркируется значимым расширением диапазона частот и увеличением интенсивности.

1.2. Выбор словоформы-акцентоносителя фокуса контраста

Выбор носителя контрастного акцента маркирует не собственно контраст, а объем соответствующей контрастной составляющей – контрастной темы, контрастной ремы, контрастного компонента вопроса. Кроме того, принцип выбора акцентоносителя в контрастных составляющих фактически выводится из принципа выбора акцентоносителя в коммуникативной составляющей вообще, потому что он зависит не от того, есть в коммуникативной составляющей контраст или нет, а от того, каков объем этой коммуникативной составляющей. Специфика контраста состоит только в том, что при контрасте объем составляющей (сфера действия контраста) обнаруживает большее разнообразие, чем в отсутствие контраста. Так, в рассмотренном выше предложении *Его первая книга нравилась мне больше других* мы наблюдаем контрастную тему *первая*, простую – не-контрастную – тему *его книга*, которая вместе с контрастной темой *первая* составляет единую синтаксическую структуру: именную группу *его первая книга*. Контрастная тема *первая* «разбивает» здесь единую синтаксическую составляющую. Значит, в качестве сферы действия контраст может иметь достаточно неожиданный семантический, а соответственно, и сегментный материал, естественные синтаксические и морфологические границы которого в результате контрастных противопоставлений могут легко нарушаться.

В коммуникативных составляющих – темах, ремах, компонентах вопросов и императивов – с единой лексико-синтаксической, но различной коммуникативной структурой выбор акцентоносителя дает (или может давать) различные результаты. Так, в крупном контрастном компоненте, с синтаксической точки зрения представляющем собой целое предложение (S) *Ветер ветку клонит*, словоформа-акцентоноситель *ветку* выбирается чисто формально в соответствии с синтаксически обусловленной иерархией актантов предиката (о синтаксической иерархии компонентов предложения в соответствии с их готовностью быть акцентоносителем коммуникативной составляющей более детально см. Янко 2001: 68-84; 2008: 38-60). Здесь фокус контраста – это все в предложении в целом, а словоформа *ветку* – его акцентоноситель: событие, состоящее в воздействии силы ветра на ветви деревьев, сопоставляется с сердечным стоном лирического героя. Каждое из состояний – природное и душевное – описывается цельными предложениями (*Ветер ветку клонит* и *мое сердечко стонет*), акцентоносителями которых в предложении *ветер ветку клонит* служит второй актант глагола словоформа *ветку*⁴, а в предложении *мое сердечко стонет* – единственный актант глагола – *сердечко*. Таким образом, в данном сложном предложении не ветка противопоставлена сердцу, а порыв ветра, наклоняющий ветку, – стенаниям сердца. При этом словоформы *ветку* и *сердечко* только фонетически оформляют соответствующие коммуникативные составляющие и делают их отдельными друг от друга подобно тому, как ударный слог формирует фонетическое слово и делает его отдельным от других слов в потоке речи.

Если бы в лексико-синтаксической структуре *ветер ветку клонит* фокусом контраста было не все предложение в целом, а только именная группа *ветер*, например *Не ветер ветку клонит, а Вася*, акцентоносителем фокуса контраста была бы, соответственно, словоформа *ветер*. Таким образом, на примере анализа минимальной пары *Ветер ветку клонит* с акцентом на словоформе *ветку* и с акцентом на *ветер* мы надеялись показать, что выбор акцентоносителя в контрастном коммуникативном компоненте речевого акта маркирует объем этого компонента и что при единой лексико-синтаксической структуре, но различном коммуникативном членении акцентоносители могут быть разные.

⁴ Добавим, что синтаксические иерархии, действующие при выборе акцентоносителя в коммуникативных компонентах речевых актов, включают, например, следующие предпочтения при условии, что все именные и глагольные группы имеют новый – не активированный в предтексте – референт: второе дополнение имеет приоритет перед первым дополнением и подлежащим; подлежащее имеет приоритет перед финитной формой глагола; несогласованное определение имеет приоритет перед определяемым именем; определяемое имеет приоритет перед согласованным определением; в имени-отчестве отчество имеет приоритет перед именем, см. Янко 2008: 43-53. Так, пример *Ветер ветку клонит*, где коммуникативная составляющая это все предложение в целом, с акцентом на *ветку* иллюстрирует приоритет дополнения над подлежащим.

Заметим, однако, что выбор акцентоносителя может давать (и статистически очень часто дает) и омонимичные результаты, потому что в коммуникативных составляющих разного объема, скажем, в предложении *Ветер ветку клонит*, а также в глагольной группе *ветку клонит* и в именной группе *ветку* – акцентоноситель один: это словоформа *ветку*. Нельзя не признать, что омонимия в этой сфере языка распространена настолько широко, что она может заслонять от исследователя то, что маркирует объем коммуникативного компонента все-таки выбор акцентоносителя, потому что при различном членении процедура выбора может давать и различные результаты⁵.

Итак, в контрастных коммуникативных составляющих выбор словоформы-акцентоносителя фокуса контраста маркирует сферу действия контраста в теме, реме, компоненте вопроса или императива. Выбор акцентоносителя при контрасте принципиально не отличается от выбора акцентоносителя в отсутствие контраста. Специфика контрастных составляющих состоит только в том, что при контрасте синтаксическая, а также и морфологическая структура компонентов, которые выражают аргументы контрастного сопоставления, деформируется: разрываются единые синтаксические составляющие, а структуры, не сводимые к единой синтаксической составляющей, наоборот, сливаются в один коммуникативный компонент, нарушаются естественные границы морфем. Например, соответствие между синтаксическими и коммуникативными структурами при контрасте может нарушаться таким образом, что в сферу действия контраста попадают зависимые синтаксические и морфологические элементы, а синтаксические (и морфологические) вершины отходят при этом к теме предложения.

2. План содержания

Вернемся к двум толкованиям конструкций с контрастом, предложенным выше при постановке задачи. Когда мы говорим с «нажимом» – *Вася!* – это значит, что для заполнения некоторой семантической или ситуативной валентности говорящий и слушающий имеют выбор из известному тому и другому ограниченного множества возможностей и говорящий уточняет, что результатом выбора из этого множества служит

⁵ Приведем здесь еще один пример минимальной пары, иллюстрирующей различие в выборе акцентоносителя при различии коммуникативных членений. Так, у ремы, сфера действия которой все предложение в целом, может быть иной акцентоноситель, чем у ремы, которая определена только на части этого предложения. В нерасчленном предложении *Снова входят в моду короткие юбки* акцентоноситель ремы – словоформа *юбки*. А в предложении *Короткие юбки снова входят в моду* с той же лексико-синтаксической структурой, но расчленном на тему *короткие юбки* и рему *снова входят в моду*, акцентоноситель ремы – словоформа *моду*.

именно Вася, а не кто-то другой, как мог бы предположить слушающий. Например, говорящий уточняет, что пришел именно Вася, а не Петя, как можно было бы подумать. Или, когда говорящий и слушающий слышат шум, один из них может предположить, что причина в том, что упал стол, а не в том, что, как могло показаться другому, рухнула полка. Тогда говорят: *Стол упал, <a не полка рухнула>*. Именно это подзначение фигурирует в разнообразных толкованиях и формулировках контраста, которые приводятся в большинстве работ, см. Мартемьянов 1971: 55, Jackendoff 1972: 243, Chafe 1976, Rooth 1985, 1992, Rochmont 1986, Lambrecht 1994, Kiss 1998, Vallduvi, Vilkuна 1998, Steube 2001 (обзор точек зрения на контраст и рему, которой, на наш взгляд неправомерно, тоже иногда приписывается способность выражать выбор из множества см. в Янко 2008: 229-236).

К значениям, которые не относятся к доминанте контраста, но выражаются теми же средствами, можно отнести подзначение 'P так же, как и Q': *Я сам так думаю; У всех жена сбежала; Сам такой!*. Предложение *У ВСЕХ жена сбежала* в контексте квантора всеобщности не значит, что у всех жена сбежала, а у слушающего не сбежала, как было бы в прототипическом случае контраста, а что у слушающего действительно сбежала, но не у одного него, а, как гипреболически замечает говорящий, у всех. Прагматика возражения в этом подзначении, между тем, сохраняется.

Другие подзначения контраста иллюстрируются примерами *Это Петя? – Петя* в значении 'Да-да, это Петя, совершенно с вами согласен'; *А Вася и пришел*, где контекст слова *и* тоже сообщает контрасту значение подтверждения гипотезы слушающего. Это второе – положительное – подзначение, между тем, требует специальных средств, которые выражают согласие, например контекста слова «да», или контекста ответа на *да-нет*-вопрос при том, что слово *нет* отсутствует, контекста слова *сам* или контекста слов со значением всеобщности. Следовательно, это значение допустимо при контрасте, оно не противоречит ему, а только требует соответствующей контекстной поддержки. Однако большинство определений и толкований контраста в лингвистической литературе этого подзначения не учитывают. Такое отклонение толкований в сторону отрицательного полюса не случайно: положительный полюс действительно составляет периферийную область, он менее частотен и требует контекстной поддержки.

Мы предлагаем следующее толкование контраста.

Контраст связан

- 1) с выбором из известного говорящему и слушающему ограниченного множества, когда все возможности, кроме текущей,

1а) отбрасываются

или, наоборот,

1b) объединяются с текущей; и

2) с соотнесением текущего высказывания с некоторым мнением или ожиданием, с которым говорящий

2a) соглашается

или

2b) нет.

Компонент толкования 1a) признается большинством лингвистических школ, а остальные компоненты в семантических и информационных теориях обычно не учитываются. Между тем именно они составляют интригу, потому что их существование содержит в себе источник расслоения семантической структуры контраста на ядро и периферию. Наши наблюдения показывают, что в контекстах можно видеть разные комбинации выделенных здесь четырех признаков. Заметим также, что два компонента значения, рассматриваемые здесь автономно, не совсем независимы друг и друга и тоже имеют близкие компоненты в толкованиях. Так, отбрасывание иных возможностей, кроме текущей, семантически и прагматически согласуется с идеей возражения слушающему. Поэтому требуются специальные контексты, нейтрализующие этот компонент, например связь выбора из множества с эксплицитным указанием на то, что текущий элемент такой же, как и другие. Ниже мы составим на основе этих значений таблицу и попытаемся заполнить клетки, лежащие на пересечении строк и столбцов примерами из реального языкового материала.

Таблица

		выбор из множества		1
соотнесение с мнением		иные возможности, кроме текущей, отбрасываются 1a	иные возможности объединяются с текущей 1b	
	несогласие 2a	<i>Это ВАСЯ, (а не Петя) Я САМ!</i> 3	<i>У ВСЕХ жена сбежала</i>	4
	согласие 2b	<i>САМ такой!</i>		5
		<i>(Да-да,) Это ВАСЯ</i> 6	<i>Я САМ так думаю!</i>	7
2				

Клетки Таблицы 1 и 2 отражают два признака, составляющие сущность семантики контраста – множество выбора и сопоставление мнений. Первый признак имеет два значения: элементы релевантного множества, кроме выбранной возможности, отбрасываются (клетка 1a) или, наоборот, в предложении утверждается, что результат выбора обладает некоторым признаком точно так, же как и другие элементы множества (клетка 1b).

Второй признак (клетка 2) тоже разбит на два значения. Говорящий не согласен со слушающим (клетка 2a) или солидарен с ним (2b). Ядро семантики контраста представлено клеткой 3: из множества выбора выделяется один элемент, а все другие отбрасываются, и говорящий выражает несогласие с мнением слушающего или другого, известного обоим коммуникантам оппонента или с неким гипотетическим мнением, которое говорящий подозревает у слушающего. Это подзначение представлено примерами *Это Вася* в значении ‘а не Петя’ и предложением *Я сам!*. В последнем примере говорящий отрекается от возможных помощников и заместителей, а также возражает слушающему.

Далее, в клетку 4 попадает подзначение, находящееся на некотором семантическом удалении от центра, при котором говорящий, возражая слушающему, говорит, однако, о том, что то, что происходит со слушающим, происходит со всеми: несчастлив не только ты один, несчастны все, ср. также *Все заболели* в значении ‘не ты один’. Ты – как все. При этом подзначении множество выбора целиком подпадает под признак, обозначенный предикатом предложения: альтернативные возможности не отбрасываются, как при доминантном значении, а объединяются с выделенной текущей возможностью. Между тем говорящий возражает здесь слушающему.

Клетка 5 представляет диффузное значение, при котором неважно или неясно, считает ли говорящий себя тем, кем его считает слушающий: то ли говорящий согласен с тем, что он *такой* (‘плохой’), то ли не согласен. Для говорящего, скорее, важно, что слушающий то ли как и он, говорящий, то ли в отличие от него, тоже *такой* (плохой), ср. также *Сам дурак!* При данном подзначении также не совсем ясно, согласен ли он с предыдущим оратором: скорее, нет. Семантике слова *сам* посвящена большая литература, см. обзор в Янко 2001: 281-305.

Как мы видим, для контраста важно, чтобы у говорящего было два референтных множества: множество выбора возможностей для исполнения некоей релевантной роли и множество мнений, с которым он соглашается или нет. А как говорящий соотносится с этими множествами – зависит от контекста. В идеале – из множества возможностей выбирается только одна, а от других говорящий отрекается, и, кроме того, говорящий

выражает свое несогласие со слушающим или другими оппонентами, но, в принципе, как мы видим, контекст может подсказать и другие комбинации. Для контраста важно, чтобы два множества – множество возможностей и множество мнений – были представлены. И говорящий может соотноситься с этими множествами с точностью до ‘да’ или ‘нет’.

Клетка 6 отражает выбор текущей возможности из множества выбора с отбрасыванием других возможных претендентов на исполнение релевантной роли плюс согласие с предположением слушающего: *Это Вася* ‘а не Петя, и ты прав’.

Клетка 7 отражает полное присоединение говорящего к позиции слушающего. В множестве выбора здесь представлены две возможности: сам (говорящий) и не-сам (слушающий, а, может быть, и кто-то еще). И эти две возможности объединяются общим признаком: и говорящий, и его оппоненты мыслят одинаково, т.е. второй элемент множества, кроме текущего, не отбрасывается, как это было бы при ядерном значении, а присоединяется по своему признаку к текущему элементу. Плюс говорящий солидаризуется с точкой зрения слушающего. Контекст глагола *думаю* дублирует здесь семантику толкования контраста по признаку 2, потому что и там и тут имеется в виду мнение говорящего: он эксплицитно указывает на свое мнение, используя путативный глагол *думаю*, что согласуется с имплицитной семой мнения, заключенной в контрасте.

Мы рассмотрели не все инстанции контраста, а также других значений, имеющих с контрастом существенные области пересечения. Это значения, построенные на идее выбора из множества и/или на сопоставлении и борьбе мнений коммуникантов. Можно заключить, что контраст – это коммуникативное значение, которое не фигурирует в предложении автономно, а существует в комбинации с другими значениями, формирующими речевые акты и их компоненты. Контраст образует контрастные темы, контрастные ремы, контрастные компоненты вопросов и императивов. Основное средство выражения контраста – это интонация. При контрасте вектор изменения частоты основного тона – восходящий при теме, нисходящий при реме, нисходяще-восходящий при выражении дискурсивной незавершенности – расширяет свой диапазон. Возможны и другие кривые изменения частоты тона, не рассмотренные здесь. Повышается и интенсивность звука. Семантическое поле контраста отличается сложной структурой, которую формируют два компонента семантики контраста: выбор из релевантного множества и соотнесение говорящего с точкой зрения оппонента, быть может, гипотетического. При выборе элемента другие возможности могут отбрасываться, а могут принимать признак, характерный для текущей – выделенной – возможности, которая служит результатом выбора. При соотнесении же с мнением оппонента говорящий может

присоединяться к нему, а может не соглашаться с ним. Этот разброс подзначений каждого из двух признаков и возникающие композиции из подзначений образуют семантическое поле контраста. При этом доминантой контраста – дефолтным значением – оказывается композиция двух параметров: отказ от всех элементов из множества выбора, кроме текущего, и неприсоединение к точке зрения оппонента. Все другие комбинации признаков требуют обязательной контекстной поддержки.

Литература

- Виноградов В.А.* Минимальные пары // Проблемы фонетики. М.: 1995.
- Кронгауз М.А.* Приставки и глаголы в русском языке. М.: ЯРК, 1998.
- Логинова И.М.* Интонационное выражение семантики ‘начала’ и ‘конца’ в русском высказывании // Логический анализ языка. Семантика начала и конца. М. : Индрик, 2002. С. 321-333.
- Мартемьянов Ю.С.* К описанию текста: язык валентно-эмфазно-юнктивных отношений (продолжение) // Машинный перевод и прикладная лингвистика. Вып.14., 1971. Русская грамматика Т. 1, М., Наука. 1982.
- Янко Т.Е.* Коммуникативные стратегии русской речи. М.: ЯСК, 2001.
- Янко Т.Е.* Интонационные стратегии русской речи в сопоставительном аспекте. М.: ЯСК, 2008.
- Chafe W.* Givenness, Contrastiveness, Definiteness, Subjects, Topics, and Point of View // Subject and Topic. New York: Academic Press. 1976.
- Jackendoff R.* Semantic interpretation in Generative Grammar. Cambridge (Ma.). MIT Press. 1972.
- Kiss K.E.* Identificational focus versus information focus // Language, 74. 1998.
- Lambrecht K.* Information structure and sentence form. Topic, focus, and the mental representation of discourse referents. Cambridge: Cambridge University Press. 1994.
- Partee B.H.* (1994) Focus, Quantification, and Semantics-Pragmatics Issues, Preliminary Version // Focus and Natural Language Processing. Vol. 2: Semantics. IBM Heidelberg. Pp. 363-377.
- Steube A.* Correction by Contrastive Focus // Theoretical Linguistics, 27. 2001.
- Rochemont M.S.* Focus in generative grammar // Studies in Generative Linguistic Analysis, 4. 1986.
- Rooth M.* Associations with Focus. PhD dissertation. 1985.
- Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J.* A University Grammar of English. М. 1982.

Vallduvi E., Vilkuna M. On Rheme and Kontrast // The Limits of Syntax. New York: Academic Press. 1998.